

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

А.П. Казун

ЛОГИКА РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Рецензия на книгу: Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. М.: Статут, 2012. — 368 с. (Серия «EXTRA JUS»). ISBN 978-5-8354-0890-0

«Здесь в большинстве случаев исчезла всякая логика и побеждал параграф, душил параграф, идиотствовал параграф, фыркал параграф, смеялся параграф, угрожал параграф, убивал и не прощал параграф. Это были жонглеры законами, жрецы мертвой буквы закона, пожиратели обвиняемых, тигры австрийских джунглей, рассчитывающие свой прыжок на обвиняемого согласно числу параграфов»

«Похождения бравого солдата Швейка», Ярослав Гашек

«Черный ящик» судебной системы

Книга «Как судьи принимают решения» является сборником текстов о судебной системе, написанных ведущими российскими и зарубежными исследователями, изучающими проблемы правоприменения. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, в котором работают авторы большинства глав данной книги, на сегодняшний день является, пожалуй, сильнейшим в России исследовательским центром, занимающимся изучением вопросов социологии права и профессионального юридического сообщества. Зарубежные авторы книги — К. Хэндли, П. Соломон-мл. и Д. Пиана — также являются безусловными авторитетами в данной области. Столь сильный авторский коллектив делает данную книгу привлекательной

Казун Антон Павлович — магистр социологии, стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, НИУ «Высшая школа экономики» (kazun.anton@gmail.com)

Kazun Anton — MA in Sociology, Research Assistant, Higher School of Economics, Moscow (kazun.anton@gmail.com)

для всех, кто занимается проблемами правоприменения как в научной, так и в экспертной среде.

Проблема, выбранная авторами, — вопрос о том, как судьи принимают решения, — невероятно интересна, но в то же время очень сложна, а намерение ее изучить весьма амбициозно. Изучение представителей российского юридического сообщества является непростой задачей ввиду сильной закрытости данной профессиональной группы. Судейское же сообщество в России, пожалуй, закрыто для анализа как никакое другое (разве что кроме сообщества следователей). В то же время качество их работы, профессиональные ценности и убеждения имеют очень существенное значение для понимания перспектив развития российской правоохранительной и судебной системы.

Российская судебная система полна загадок и противоречий. Так, обвинительный уклон в правосудии, при котором менее 1 % уголовных дел заканчиваются оправдательным приговором, заставляет стороннего наблюдателя усомниться в том, что суды в России обладают хоть какой-то независимостью. Особый порядок судебного разбирательства, ставший вопреки своему названию доминирующей формой осуществления правосудия, также вызывает недоумение. Дискуссия о судебной системе в России уже долгое время имеет сильно политизированный характер. Судей обвиняют в ангажированности, а так называемое «телефонное право», по различным свидетельствам, по-прежнему остается инструментом давления на суды (Панеях и др. 2010).

В контексте большого числа спекуляций и мифов о российском судебной системе книга «Как судьи принимают решения» особенно интересна. В ней читатель почти не увидит таких слов, как «коррупция», «взятка» и т. п., что может вызвать немалое удивление. Как можно анализировать российские суды без того, чтобы говорить об их теневой части? Авторы книги, тем не менее, совсем не игнорируют данные вопросы. Напротив, они занимают по-настоящему нейтральную исследовательскую позицию, анализируя через статистические данные отклонения судебной системы от нормативных образцов (во «Введении» В.В. Волков декларирует основной принцип, объединяющий все исследования этой книги, — анализ эмпирической модели поведения судей, а не нормативной).

Идея проста и одновременно весьма перспективна: да, мы очень немного знаем о том, как реально принимаются решения в российских судах (что происходит в «черном ящике»), но нам известна значительная часть результатов их работы. Мы, скорее всего, никогда не увидим, как происходит «давление» на судью или передача взятки, а даже если увидим, то не сможем сделать вывод о том, насколько эти феномены «типичны» для всей судебной системы. Однако мы можем предположить наличие такого «давления», если, например, обнаружим, что проправительственные политики чаще выигрывают иски о защите чести и достоинства, или что доля оправдательных приговоров при отсутствии прокурора (частно-публичное обвинение) оказывается значительно выше, что в апелляционных инстанциях оправдательные приговоры отменяются чаще, чем обвинительные, и т. д. Именно такой «диагноз» судебной системе на основе наблюдаемых «симптомов» и ставят авторы данной книги.

В то же время это означает, что читателя обманули в самом начале. Вместо того чтобы отвечать на вопрос «Как судьи принимают решения?», что должно происходить в рамках веберианской традиции «понимающей социологии», книга отвечает скорее на вопрос «Как работает судебная система?» и делает это в духе «объясняющей социологии». Но в этом авторов трудно упрекать, поскольку залезть в голову к судье и понять его — задача на данный момент практически невыполнимая, а вот объяснить механизмы работы всей судебной системы на основе наблюдаемых и измеряемых феноменов исследователям вполне возможно.

Структура книги: «загадки» и их решения

Книга «Как судьи принимают решения» затрагивает достаточно большой спектр вопросов. Она не только не ограничивается вопросами уголовного судопроизводства первой инстанции (первые 5 статей в книге) — во внимание исследователей попадают арбитражные суды, суд присяжных, Конституционный суд, — но и затрагивает проблемы правосудия в некоторых странах бывшего Советского Союза, а также вопрос применения в России Европейской Конвенции о защите прав человека. Несколько особняком стоит статья К. Хэндли «Об использовании судебной системы в России», рассматривающая проблему судопроизводства глазами бизнеса и простых граждан. Ее включение в текст, однако, представляется оправданным, поскольку статья рассматривает «оборотную сторону монеты» и отвечает на крайне важный вопрос о том, как соотносится между собой участие граждан и бизнеса в судебном процессе и крайняя степень недоверия к судебной системе в целом.

Масштаб выбранного объекта обусловлен обилием загадок и противоречий в самых разных частях российской судебной системы. Однако в рамках одной книги полностью раскрыть все эти вопросы, разумеется, невозможно (на что многократно указывают сами авторы). В данной книге авторы пытаются найти объяснения существующим несоответствиям между нормативными образцами и эмпирической реальностью. Каждая статья книги концентрирует внимание читателя на таком несоответствии, «пазле», сложить который авторы стремятся в ходе своего анализа.

Книга начинается с двух статей, посвященных проблеме «обвинительного уклона в правосудии». В тексте «Как судьи арестовывают и оправдывают?» А. Трошев рассматривает первый любопытный пазл: хотя после распада СССР страны Восточной Европы пошли различными путями (как минимум в политическом аспекте), все они унаследовали советскую систему правосудия, которая оказалась невероятно устойчивой (что можно рассматривать как очередной пример «path dependence problem»). Единодушие судей и прокуроров наблюдается в России, Украине, Грузии, Болгарии, Молдове, Латвии, Польше и др. Судебные системы стран бывшего СССР по-прежнему «заточены» под то, чтобы выбирать аресты в качестве меры пресечения и по возможности сокращать количество оправдательных приговоров. Объясняется это сохраняющимся характером отношений между судьями и прокурорами, когда последние получают большие возможности для давления, а первые привыкли этому давлению усту-

пать. По всей видимости, судебные системы этих стран оказались устойчивы к изменениям даже не столько из-за «принудительного изоморфизма» (требований отчетности) (Димаджио, Пауэлл 2010), сколько благодаря «нормативному изоморфизму»: многие советские судьи и прокуроры не просто по-прежнему работают в системе, но и занимают в ней самые высокие посты. При этом, конечно, важно понимать, что это обстоятельство лишь объясняет имеющуюся у нас статистику, но еще не доказывает того, что суды работают «неправильно».

Уже во втором тексте книги, посвященном обвинительному уклону как термину, применяемому в науке и журналистике, происходит некоторый отход от декларируемого во «Введении» не использования так называемой «нормативной модели». Опираясь преимущественно на правовые источники, автор успешно показывает, что термин «обвинительный уклон» используется в самых разных значениях. Двусмысленность термина «обвинительный уклон» способна порождать заблуждение о том, что судебная система не является самостоятельным актором и ничего не решает (ведь оправданий менее 1 %). В то же время в сложившейся системе не совсем правильно использовать количество оправдательных приговоров как главный критерий качества работы судебной системы, равно как существует целый ряд дефектов в статистической отчетности, которые затрудняют точную оценку «обвинительного уклона». Завершается статья новым «пазлом», сложить который, по всей видимости, еще только предстоит в ходе дальнейшей работы: падение числа оправдательных приговоров в СССР сопровождалось ростом числа судей с высшим юридическим образованием (с. 106). Является ли это случайной закономерностью, причиной и следствием или же следствием третьей причины, исследователям еще предстоит разобраться. Интересно в этом контексте сравнить процесс профессионализации судей и других участников судебного процесса: следователей, прокуроров и адвокатов. Например, в 1947 г., еще до сильного сокращения процента оправдательных приговоров, доля адвокатов с высшим юридическим образованием составляла 41,7 % (Razi 1960) по сравнению с 14,6 % долей судей в 1946 г. (с. 105). Таким образом, рост числа обвинительных приговоров также сопровождался сокращением разрыва в профессионализме судей и адвокатов.

Сделав все необходимые оговорки и разъяснив некоторые ретроспективные вопросы, авторы переходят непосредственно к анализу логики российской судебной системы.

«Искусство практических компромиссов»

Центральной для всей книги является статья Э. Панеях, прямо отвечающая на вопрос о том, как судьи принимают решения — «Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого». В ней Э. Панеях опровергает мнение о том, что в условиях обвинительного уклона российские судьи становятся «послушным винтиком» в репрессивной системе уголовного правоприменения. Однако при этом автор не поддерживает и нормативистскую идею о том, что судья является полностью автономным субъектом. Реальность оказывается намного сложнее.

Прежде всего, Э. Панях констатирует, что прокуратура России обладает существенным влиянием на суды за счет нескольких обстоятельств (с. 108–109), в числе которых участие прокурора в отборе судей, манипуляции обжалованиями и кассациями, регулярность взаимодействий судей и прокуроров (за годы совместной работы между судьями и прокурорами устанавливаются личные отношения, о чем более подробно пишут А. Шульц, В. Козлов и А. Либман (Schultz, Kozlov, Libman, 2014)). Оправдательные приговоры для прокурора — серьезный удар по профессиональной репутации, почти неизбежный выговор. Именно поэтому российские прокуроры делают все возможное, чтобы число оправданий было минимальным. Однако на этом их заинтересованность в исходе судебного процесса во многом ограничивается, что оставляет судье пространство для маневра, возможность принятия пусть и в определенных рамках полностью самостоятельных решений, что Э. Панях называет «искусством практических компромиссов».

Прежде всего, в ситуациях без участия прокурора («частное обвинение») судья может добиться того, чтобы дело было закрыто и вовсе не попало в статистику обвинений / оправданий. В слушаниях «частного обвинения» российские судьи не боятся закрывать дела по реабилитирующим основаниям (13,41 % случаев), кроме того, почти половина (44,64 %) дел заканчивается примирением сторон. Другим вполне благоприятным исходом является прекращение дела в связи с «деятельным раскаянием» (но здесь требуется дополнительное ходатайство со стороны прокурора). Таким образом, к ситуациям частного обвинения тезис о репрессивности российского правосудия не применим — ведь более чем в половине случаев исход суда является благоприятным для обвиняемого. Реальный срок по делам без участия прокурора получают лишь 2 % обвиняемых. Сами судьи также активно поддерживают идею «примирения сторон». Впрочем, здесь важно оговориться, что в делах частного обвинения речь идет лишь о легких составах преступления, а подобный формат судебного разбирательства происходит не очень часто.

Однако по делам с более тяжелым составом преступления, в которых гособвинитель обязательно принимает участие, судьи также сохраняют определенное пространство для самостоятельных решений. Поскольку оправдательный приговор в большинстве случаев является недоступным для судей вариантом, они в зависимости от обстоятельств могут существенно варьировать наказание, например, принимать решение о реальном или условном сроке. Здесь большое значение имеет тяжесть обвинения. Лишь по особо тяжким составам доля условных приговоров составляет 7 %, тогда как для большинства средних и даже тяжких составов доля условных приговоров превышает 40 %. Судьи также активно пользуются правом назначать наказания ниже нижнего предела, предусмотренного законом. В этих условиях качество доказательной базы, подготовленной прокуратурой и адвокатами, может иметь существенное значение при назначении реального или условного срока заключения.

Э. Панях делает вывод о том, что судьи в равной мере не являются как независимыми агентами, так и «послушными винтиками» репрессивной машины обвинения. Модель «дискреции под давлением» действительно хорошо объяс-

няет описанные выше статистические закономерности. Впрочем, о том, что же именно происходит во время судебных заседаний и уж тем более — в головах отдельных судей, остается только догадываться.

Скрытая цена сделок с правосудием

Один из наиболее любопытных аспектов российской судебной системы, который оказался совсем не тем, чем кажется на первый взгляд, — это практика «сделок с правосудием» (глава «Сделка с правосудием в России: особый порядок судебного разбирательства», П. Соломон-мл.). Упрощенные процедуры разбирательства и сделки с правосудием характерны для многих стран мира. По российскому закону, обвиняемый имеет право в присутствии адвоката и в письменной форме принять обвинение, отказавшись от возможности его опротестования в апелляционной инстанции. Подобное ходатайство подается добровольно, с согласия стороны обвинения и должно быть одобрено судьей. В результате дело будет рассматриваться в особом порядке, по нему может быть вынесен только обвинительный приговор, но наказание не может превышать $2/3$ от обычного срока. На первый взгляд, подобная сделка справедлива: $1/3$ срока наказания сокращается за возможность более быстрого рассмотрения дела. Сторона обвинения, в свою очередь, очень часто позиционирует сделку с правосудием как особо выгодное предложение.

И такое предложение, действительно, очень выгодно следствию. В их статистику попадает не просто еще один обвинительный приговор, но *гарантированный* обвинительный приговор, который крайне сложно обжаловать (что очень хорошо в условиях «палочной» системы отчетности). Кроме того, особый порядок освобождает следователей от сбора доказательств по делу. Судьи, в свою очередь, получают возможность уложиться в нормы по срокам и нагрузке. Таким образом, подобное развитие событий очень выгодно обвинению и судам.

Стоят ли такие невыгодные для обвиняемого условия сокращения наказания на $1/3$? В одной из аналитических записок ИПП (Титаев, Поздняков, 2012) было показано, что средние наказания по делам, рассматриваемым в обычном порядке, не превышают средние сроки, назначаемые по делам с особым порядком рассмотрения. К аналогичным выводам приходит и П. Соломон-мл. По делам, рассматриваемым в обычном порядке, судьи не так часто назначают верхний предел наказания.

Таким образом, получается, что сторона обвинения, предлагая сделку с правосудием, ставит ловушку для обвиняемых, фактически вводя их в заблуждение. При этом происходит такая сделка более чем в половине случаев, что говорит о крайней настойчивости следствия в своем «выгодном предложении». Наблюдаемая закономерность сама по себе очень многое рассказывает нам о принципах российского правосудия, обеспечивающего скорее хорошую отчетность, чем справедливость. Впрочем, важно отметить, что сделка со следствием все же может принести обвиняемому определенную выгоду, в частности, она избавляет его родных и близких от участия в психологически тяжелой судебной процедуре (в ходе которой им могут открыться еще более нелестные

факты об обвиняемом). Данный мотив, однако, едва ли способен объяснить, почему особый порядок судебного разбирательства превратился в России в самый распространенный.

Ценности и нормы российских судей

В контексте обозначенной выше проблемы недоступности для наблюдения процесса принятия судебных решений крайне важными являются вопросы о профессиональных ценностях и нормах российских судей. Данный вопрос обсуждается в тексте В. Волкова и А. Дмитриевой «Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы». В этой статье авторы используют иной источник данных — опрос 759 судей в шести регионах России. Сам по себе факт проведения такого опроса является серьезным достижением ввиду крайней закрытости судебного сообщества. Серьезные требования в таком опросе, очевидно, предъявлялись и к содержанию анкеты. Трудно заставить судью в принципе взять анкету в руки, но еще труднее составить вопросы так, чтобы они не вызывали неприязни у носителей «юридического сознания». На очень многие вопросы у судей и иных представителей юридического сообщества заранее заготовлены нормативные, «правильные» ответы. Именно поэтому изучение профессиональных ценностей посредством опроса является весьма непростой задачей.

Авторы исследования включили в анкету два закрытых вопроса о главной миссии судьи и профессиональных качествах, которые они считают основными для своей работы. Вопросы предполагали возможность множественного выбора. Согласно полученным результатам, одним из однозначно значимых факторов, определяющих ценности современных судей, является их принадлежность к тому или иному поколению. Авторы показали, что судьи «старой закалки» (получившие образование до 1991 г.) чаще других отдают приоритет «обеспечению справедливости» (46,7 %), тогда как представители «нового призыва» (ставшие судьями после 2002 г.) почти единогласно считали одной из ключевых миссий судьи «обеспечение законности» (80 %). Ответы на вопрос о ключевых качествах судей тоже позволяют исследователям сделать вывод о том, что важность легализма для более молодого поколения судей растет (стр. 151). Для недавно назначенных судей бюрократические нормы оказываются более значимыми. С одной стороны, это можно объяснить общей неуверенностью «новичков» и их стремлением на первых порах четко соответствовать всем формальным правилам. С другой, это объясняется и их бэкграундом, ведь, по данным исследования, каждый третий российский судья (33,3 %) получил свой статус после работы в аппарате суда.

Впрочем, выбранную авторами дихотомию «справедливость — законность» нельзя признать полностью удачной ввиду отсутствия данного противопоставления в сознании большого числа судей — четверть из них (25,4 %) в качестве главной миссии указали оба варианта. Гораздо более продуктивной могла бы стать трихотомия «личная выгода — нормы профессионального сообщества — общественное благо» (она, в частности, предлагается в работе (Parker, Evans, 2007)), которая позволила бы нам предсказать разницу в процессе принятия су-

дебных решений той или иной группой. Разделение судей на две субкультуры, ориентированные соответственно на аппаратные нормы и независимость, лишь немного может сообщить нам о том, как они будут принимать решения. Впрочем, нужно признать, что составить инструментарий, позволяющий выполнить более сложную кластеризацию, крайне непросто.

Кроме того, не вполне доказанным выглядит тезис о том, что судьи, ориентированные на бюрократические нормы, более зависимы от мнения коллег (с. 155). Скорее они могут ориентироваться на мнение председателя суда, даже если оно ставит под угрозу их профессиональную репутацию. В то же время более независимые судьи, отдающие приоритет «обеспечению справедливости», напротив, могут большее значение придавать профессиональной репутации. Попадание в последнюю группу председателей суда (преимущественно получивших образование до распада СССР) несколько запутывает картину, поскольку их высокие полномочия часто рассматриваются в качестве препятствия для формальной независимости судей (в том числе в аналитической записке ИПП (Волков и др. 2012)). По всей видимости, реальная картина значительно более запутанна, и двух вопросов про профессиональные ценности просто недостаточно для того, чтобы выделить все значимые группы ценностей.

Без ответа пока остается и самый важный вопрос — чем же различаются решения судей, обладающих различным набором ценностей? Будут ли судьи, ориентированные на «обеспечение справедливости», выносить оправдательные приговоры чаще, чем судьи, отдающие предпочтение аппаратным нормам? Какие профессиональные ценности способствуют использованию судьей «искусства практических компромиссов»? Ответ на эти вопросы предстоит найти в новых исследованиях. Важно учитывать и серьезное ограничение, о котором говорят сами авторы. Опрос фиксирует лишь «представление о должном», которое может отличаться от реального процесса принятия судьей решений. Хотя это ограничение типично для социальных наук, в случае с юридическим сообществом оно стоит еще более остро.

Логика на разных уровнях правосудия

Судебная система в России имеет много уровней, и логика правоприменения может существенно отличаться в зависимости от того, в какую инстанцию и в какой суд попадает дело. Книга «Как судьи принимают решения?» сконцентрирована преимущественно на уголовном правосудии первой инстанции, но в то же время затрагивает безусловно важную проблему различения логики судов различных инстанций.

Одной из ключевых глав сборника является текст К. Титаева, в котором реконструируется логика попадания дел в апелляционную инстанцию и анализируется вероятность различных исходов. Одна из важных особенностей апелляционных судов состоит в том, что дела (здесь речь идет преимущественно об экономических спорах) часто рассматриваются за пределами регионов, в которых проходило первое слушание. Это снижает вероятность того, что между судьями возникнет неформальная кооперация, которая помешает

одному из них объективно пересмотреть решение своего коллеги. Автор приходит к выводу, что в целом до арбитражного суда доходят наиболее значимые дела, а первая инстанция играет роль своеобразного «фильтра». В таком случае в арбитражных судах подобные дела должны рассматриваться по существу (по крайней мере, такие ожидания складываются у участников судебного процесса). Однако К. Титаев показывает, что реальная функция арбитражного суда состоит преимущественно в проверке соответствия дела формальным требованиям, что противоречит его образу как суда, в котором должно пройти основное разбирательство.

Таким образом, судебная система в целом предстает перед нами как своеобразная цепочка бюрократических проверок и перепроверок. Суды первой инстанции контролируют качество работы на этапе следствия (и через «искусство практических компромиссов» по разным причинам смягчают или отсеивают спорные и недостаточные доказанные дела), а апелляционные суды в свою очередь контролируют качество работы судов первой инстанции (и, как правило, подтверждают их решения). Автор заканчивает свою статью выводом, что система арбитражных судов в России стоит на своеобразном перепутье, между необходимостью принимать содержательные решения и требованием жесткого соответствия бюрократическим нормам, спускаемым сверху. Очень иронично, что уже после выхода данной книги указом президента Высший Арбитражный Суд РФ в 2014 г. был упразднен и объединен с Верховным Судом. Это событие было однозначно негативно воспринято юридическим и бизнес сообществом, считавшими систему арбитражных судов наиболее качественным элементом российской системы правосудия. Нам остается только предполагать, как изменится логика принятия решений в арбитражных судах в новых обстоятельствах, выживет ли эта система в целом. И, разумеется, новая ситуация заслуживает нового, столь же обстоятельного исследования.

Отдельная глава книги под авторством А. Верещагина посвящена Конституционному суду РФ. В ней рассматривается процесс публикации «особых мнений» судей (которые публикуются в случае несогласия того или иного судьи КС с мнением большинства) как возможного индикатора уровня противодействия судей системе (его автор называет «коэффициентом публичного несогласия»). Косвенно этот показатель может свидетельствовать об эволюции судейского индивидуализма на протяжении истории современной России. Коэффициент несогласия (отношение общего числа постановлений КС к числу постановлений КС с особыми мнениями) в различные годы колеблется от 0 до 12 %. Также сильно колеблется и число судей, которые пользовались правом на особое мнение (от 5 до 10). В целом данный показатель можно считать интересным, хотя и трудно интерпретируемым индикатором состояния судебной системы РФ. Как резюмирует автор статьи, судьба у «особых мнений» в России очень непростая, идут активные дискуссии об их необходимости и значимости для российского правосудия, однако сам факт их открытой публикации дает исследователям интересные возможности для анализа.

За рамками книги: забытая вершина айсберга

Замысел составителей данного сборника был заведомо значительно более широким и амбициозным, чем возможно было осуществить в рамках одной книги. Именно поэтому часть ключевых, а иногда самых общих вопросов осталась «между строк» и за пределами содержания сборника. Фокус на складывании тех или иных «пазлов», интригующих исследователей, давно занимающихся проблемами правоприменения, приводит к тому, что некоторые базовые вещи остаются для менее просвещенного читателя загадкой. Так, размышляя о суде присяжных, нам не поясняют того, когда и в каких случаях такой вариант правосудия в принципе осуществляется. Крайне важный вопрос о «судебной иерархии» и роли председателя суда проходит в данной книге фоном, для него не нашлось отдельной главы (возможно, потому, что эта проблема уже была рассмотрена в аналитической записке ИПП (Волков и др. 2012)). Читатель данной книги, к сожалению, не узнает о том, как выстроены отношения между председателями судов и их подчиненными. В этом контексте также крайне важным было бы рассмотреть вопрос о ротации судей и факторах, которые влияют на их продвижение по службе или увольнение. Вопросы «вознаграждения», не нашедшие отражения в данном сборнике, также имеют ключевое значение, поскольку через премии и различного рода надбавки председатели судов получают дополнительные возможности для давления на своих подчиненных. Аналогичным образом в сборнике не рассматривается такой базовый механизм воздействия на судью как распределение рабочей нагрузки (он рассмотрен в другой аналитической записке ИПП (Волков, Дмитриева, Поздняков, Титаев 2012)).

Кроме того, авторы практически полностью опустили методологические аспекты своего исследования. Зачастую читателю забывали рассказать о том, как и откуда были получены столь замечательные данные, используемые в анализе, с какими людьми были проведены интервью и сколько их было. Авторитетность авторов сборника, конечно, не позволяет не верить им на слово, однако отдельная методологическая глава была бы очень полезна исследователям, которые хотели бы продолжить работу над темой. То, что было бы неприемлемо для отдельных статей, можно, однако, допустить в рамках книги, подводящей некоторый промежуточный итог исследовательской работе, выполненной Институтом проблем правоприменения.

Именно поэтому книгу «Как судьи принимают решения» можно считать не столько «введением» в проблему российской судебной системы, сколько «продвинутым курсом», читать который сложно без предварительного знакомства с некоторыми более ранними и фундаментальными текстами. Впрочем, есть и множество других вопросов, которые до сих пор не получили достаточного внимания в научных исследованиях. Судебная система является лишь одним из элементов российской системы правосудия. Этот элемент крайне важен, но при этом во многом вторичен (в книге несколько раз повторяется тезис о том, что российские суды по факту контролируют качество работы, проделанной на этапе следствия, а не рассматривают дела «с нуля»). Это приводит нас к необходимости изучения других сегментов правоохранительной системы — прокура-

туры, следствия, адвокатуры. Задача эта не менее трудная, чем изучение судебного сообщества.

Какой же «диагноз» мы можем поставить российской судебной системе после прочтения данной книги? В зарубежной литературе профессиональным группам (прежде всего, юристам и врачам) часто приписывается так называемая «третья логика», которая находится между логикой иерархического подчинения, характерной для бюрократии, и логикой спроса, предложения и принципа максимизации полезности, управляющей рынками (Freidson, 2001). Юристы не являются ни чиновниками, ни предпринимателями, что позволяет им беспристрастно принимать решения в соответствии с принципами профессиональной этики. В различных статьях сборника «Как судьи принимают решения» авторы неоднократно указывали на излишнюю бюрократизированность российской системы правосудия. С точки зрения обозначенной выше теории, происходит своеобразное смещение непредвзятой «третьей логики» в сторону логики бюрократа, подчиненной жесткой иерархии и строгой ежегодной отчетности. Пожалуй, именно эта характеристика наиболее точно выделяет профессиональное сообщество российских судей, которые вынуждены искать баланс между этими логиками. В свою очередь, утрата «третьей логики» может привести к деградации как профессионализма судей, так и юридического сообщества в целом, для которого этика утрачивает определяющее значение. Проблема профессиональной этики судей — это, пожалуй, еще один важный элемент, на который следует обратить внимание в последующих исследованиях, ведь именно он наиболее близко подведет нас к ответу на исходный вопрос: «Как судьи принимают решения?».

Литература

Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи как профессиональная группа. Социологическое исследование. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2012.

Волков В.В., Панях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Как обеспечить независимость судей в России. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», июль 2012) СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2012.

Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях (перевод Г.Б. Юдина) // Экономическая социология, 2010, 11(1), с. 34–56.

Панях Э.Л., Титаев К.Д., Волков В.В., Примаков Д.Я. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», март 2010) СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2010.

Панях Э.Л., Титаев К.Д. От милиции к полиции: реформа системы оценки деятельности органов внутренних дел. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», март 2011) СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2011.

Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Порядок особый — приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», март 2012). СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2012.

Новые книги по социальным наукам

Freidson E. *Professionalism. The Third Logic*. Cambridge: The Polity Press, 2001.

Razi G. Legal Education and the Role of the Lawyer in the Soviet Union and the Countries of Eastern Europe, *California Law Review*, 1960, 48(5), pp. 776–804.

Parker C., Evans A. *Inside Lawyers Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Schultz A., Kozlov V., Libman A. Judicial alignment and criminal justice: evidence from Russian courts, *Post-Soviet Affairs*, 2014, 30(2-3), pp. 137–170.